Митрополит Иларион: Человек должен нести ответственность за свою жизнь и за свою деятельность

11 марта 2017 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на телеканале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте! Мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом об актуальных событиях в России и в мире. Владыка, здравствуйте!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: 20 февраля скончался один из наиболее почитаемых старцев Русской Православной Церкви двух веков, духовный отец трех русских Патриархов архимандрит Кирилл (Павлов). Для чад, которых он окормлял, он приходился духовным отцом. Как объяснить всем остальным, кто такие русские православные старцы?

Митрополит Иларион: Старцы – это совершенно особый род духовничества в Православной Церкви. Не всякий духовник является старцем. Может показаться, что само слово «старец» указывает на возраст человека, но на самом деле оно указывает на его духовный опыт.

В практике Русской Православной Церкви духовником может стать всякий священник, в том числе и молодой. В Греческой Церкви другое правило: на духовничество получают специальную грамоту от архиерея. У нас же всякий священник может быть духовником, то есть советником, к которому люди приходят не только на исповедь, но и за духовным советом.

Старец – человек особого рода, особой харизмы. И это не то служение, на которое можно получить письменный мандат или, скажем, назначение. Старец – это человек, которого Сам Бог делает таковым. Это духовник особого рода, к которому приезжает много людей, в том числе в трудных жизненных ситуациях, и старец, обладая большим внутренним опытом, может дать ответ на их вопросы. Кроме того, многие старцы обладают даром прозорливости, то есть видят человека насквозь. Например, приходит к старцу незнакомый человек, а он уже знает, как его зовут или

сразу же говорит об основных проблемах его жизни. Такое часто случается в общении людей со старцами.

Именно таким человеком был отец Кирилл. Мне посчастливилось с ним познакомиться, когда мне было лет 12, и во многом именно встреча с ним и еще с несколькими старцами определила мой жизненный выбор. Эти люди меня настолько вдохновили, – столько добра, света, смирения, духовной красоты я в них увидел, – что мне самому захотелось пойти по этому пути служения Богу и Церкви.

Что еще всегда поражало в этих людях – то, что с одной стороны, у них сохранялись все человеческие качества: сочувствие, сострадание, любовь, внимание к тем, кто к ним приходил, а, с другой стороны, во всех своих человеческих проявлениях они были абсолютно пронизаны Божиим присутствием. Это Божие присутствие становилось очевидным для всякого, кто к ним приходил.

Е. Грачева: Вопреки сложившемуся стереотипу в очереди к православным старцам часто можно встретить представителей самых разных слоев нашего общества: это и представители Администрации Президента, которые ездят к старцу за советами, и руководители крупного бизнеса.

Откуда в русском человеке доверие к духовничеству, к православным старцам именно при обращении за ответами на вполне конкретные вопросы?

Митрополит Иларион: Доверие к старцу – явление правильное и вполне естественное. Но нельзя, как говорится, путать Божий дар с яичницей. То есть, если, например, бизнесмен какие-то свои вопросы, относящие к бизнесу, пытается переложить на старца, то это, думаю, ошибочный путь. Или, например, государственный чиновник будет перекладывать на старца вопросы государственной важности, что тоже совершенно неправильно.

Человек должен нести ответственность за свою жизнь и за свою деятельность. И если его вопрос касается бизнеса, допустим, продавать или не продавать тот или иной бизнес, он, конечно, не должен перекладывать это решение на старца. А вот если, например, бизнесмен оказался в такой ситуации, когда он реализовал свое дело, а теперь должен развивать бизнес в другом направлении, все уже для этого подготовил, но хочет получить благословение духовника – он приезжает к старцу или к духовнику, рассказывает о своей ситуации и просит его молитв и благословения. И тот, как правило, дает благословение, но в особых случаях старцу может быть открыто Богом, что для этого человека не полезно новое начинание, что оно плохо для него кончится, и тогда старец может предупредить человека.

Е. Грачева: Как Вы оцениваете роль старцев в жизни современных русских священнослужителей, государственных деятелей?

Митрополит Иларион: Похороны архимандрита Кирилла (Павлова) показали, какую роль этот старец сыграл в жизни очень многих людей. На его погребении было не менее 20 архиереев, более сотни священников и тысячи, может быть, десятки тысяч мирян, то есть Лавра была заполнена так, как на дни памяти преподобного Сергия Радонежского. Причем надо помнить, что отец Кирилл многие годы лежал больной, то есть уже не принимал людей, и все те, кто пришли на его похороны, общались с ним 20, 30 или 40 лет назад. И тем не менее его влияние сохранялось, народная любовь к нему сохранилась. Я вообще думаю, что и отца Кирилла (Павлова), и отца Иоанна (Крестьянкина) Церковь когда-нибудь причислит к лику святых. И это большое счастье иметь возможность увидеть святого человека вживую – не на иконах, а своими глазами.

Е. Грачева: А в духовно близкой нам Греции какое отношение к старцам? Много ли их там?

Митрополит Иларион: В Греции тоже есть старцы, очень почитаемые, в том числе на Афоне. К ним ездят люди со всего мира. Мне посчастливилось знать одного афонского старца, который уже прославлен в лике святых. Это святой Паисий Святогорец. Я с ним встречался в начале 90-х годов. Это был совершенно поразительный человек. К нему всегда была очередь, он принимал большое количество людей, беседовал с ними на самые разные темы. Старец Паисий был удивительно прост в общении, так же, как и отец Кирилл. То есть, если судить по речи старцев, по их подаче мысли, то сразу и не скажешь, что в этих людях было что-то выдающееся. Но они всегда излучали добро и любовь, и при общении с ними чувствовалась благодать Божия и тот особый свет, который от них исходил. Думаю, именно это и привлекало и привлекает к ним тысячи людей.

Е. Грачева: Православная община храма при Спасо-Андрониковом монастыре направила мэру Москвы письмо с просьбой переименовать ближайшую к ним станцию метро «Площадь Ильича» в станцию «Андрея Рублева». А 1 марта Законодательное собрание Петербурга проголосовало за переименование МО Парнас в МО Сергиевское - в честь преподобного Сергия Радонежского. Почему Церковь считает важным эти переименования? И кто должен, на Ваш взгляд, определять, что можно оставлять без изменений, а что необходимо переименовать? Можно вспомнить и скандал в связи с переименованием станции «Войковская», например.

Митрополит Иларион: Определять, что переименовать, а что оставить без изменений должен народ, потому что людей должны устраивать новые названия. Но и Церкви не безразличен этот вопрос, ибо речь идет о наших национальных символах. Имена террористов, революционеров, убийц, палачей – все эти имена вошли в историю со знаком минус, что, надеюсь, мы все рано или поздно поймем, ибо в этом вопросе до сих пор существует определенное разделение, так же как и

в вопросе, например, о выносе тела Ленина из мавзолея. Но мне кажется, что переименование возможно тогда, когда существует общественный консенсус вокруг этого.

Е. Грачева: А какие факторы на Ваш взгляд еще нужно учитывать? Возможно, переименование приведет к большим расходам из муниципального бюджета, да и люди уже привыкли к таким названиям, поэтому не стоит ничего менять?

Митрополит Иларион: Тема расходов из муниципального бюджета преувеличена, потому что город заботится о своих улицах, так или иначе вешаются те или иные таблички. Заменить таблички – не думаю, что это дорогостоящее мероприятие. Это, скорее, всегда аргумент, который приводится противниками переименований для того, чтобы сказать людям, что, мол, если будет переименование, то из вашего кармана вынут деньги, вам же от этого будет хуже.

То есть, на мой взгляд, это демагогический аргумент, аргумент привычки. Вы знаете, привычка – это дело серьезное. Я вот до сих пор не могу привыкнуть к новым названиям станций метро, хотя переименования произошли четверть века назад. Но я готов с этим жить ради того, чтобы имена палачей и преступников исчезли из названий наших улиц, площадей, станций метро.

Е. Грачева: Владимир Путин поручил усовершенствовать программу профилактики суицидов среди подростков. Вообще, статистика по нашей стране ужасает. Только в 2016 году 700 самоубийств среди несовершеннолетних. В России в среднем происходит втрое больше самоубийств, чем вообще в мире. Что это за новое явление «группы смерти» в социальных сетях, и как, например, родители могли противостоять этим группам и беседовать со своими детьми, объяснять им, что это на самом деле такое?

Митрополит Иларион: Это явление очень страшное, опасное и малоизученное. Для нас, людей Церкви, очевидно, что это явление носит такой же характер, что и секты.

Некоторые борцы за права человека говорят, что все религии и все секты должны иметь равные права на существование. Мы же всегда говорим о том, что секты несут в себе опасность, ибо они опасны для психики людей, для их семей, они разрушают жизнь людей. Так называемые группы смерти в социальных сетях – это тоже явления подобного рода. Для создателей таких групп это, как правило, развлечение, хобби. Они вовлекают молодежь в дискуссии, используют те же методы, что и сектанты, то есть они человека зомбируют, делают его зависимым от своей группы. Человек постепенно выходит из реальной жизни и ему начинает казаться, что виртуальное пространство и есть реальная жизнь. И дальше ему внушают мысль о том, что надо покончить с собой, надо свести счеты с жизнью, что он уйдет из жизни молодым и тем самым избежит проблем.

Это очень страшное явление, за которое, я уверен, люди, создающие подобного рода группы, должны нести уголовную ответственность, ибо это – преступление. И не надо дожидаться, пока будет совершен суицид. Сейчас, насколько я знаю, в нашем законодательстве склонение к самоубийству признается преступлением только в том случае, если самоубийство произошло или если произошла попытка самоубийства. Но ведь тогда уже будет поздно. И мы должны исправлять не последствия, а причины, то есть те люди, которые занимаются в социальных сетях пропагандой суицида, должны нести уголовное наказание. Их нужно отслеживать. Вот чем должны заниматься наши спецслужбы.

Е. Грачева: Суицид всегда имел место среди подростков. Помню, что когда училась в школе, тоже были такие несчастные случаи из-за безответной любви, непонимания родителей. Но тогда не было социальных сетей, не было Интернета. Сейчас, что ужасает, часто это делают чуть ли не во время прямой трансляции в Интернете. Что это за новое явление? Это для подростков как игра с неосознаваемыми последствиями? И как, кстати, введение в школах основ православной культуры могло бы помочь изменить эту статистку, вообще объяснить подросткам, что такое самоубийство?

Митрополит Иларион: Мы просто должны хорошо понимать, что все наши подростки находятся в зоне риска, и что к ним должно быть повышенное внимание родителей, школы, всего общества. То есть, например, если родители замечают, что ребенок проводит много часов в Интернете, надо поинтересоваться, чем он там занимается. Может быть, он там находит полезную информацию по своим урокам, учебным занятиям – это одно. А может он ищет там порнографию – это уже другое. Возможно, он постепенно вовлекается в деятельность какой-то секты – это третье. И здесь, конечно, родители не должны оставаться безучастными.

Если говорить об основах православной культуры, то я думаю, что любое преподавание религиозных традиций в школе является одной из прививок против этого яда, который распространяют сектанты, люди, занимающиеся подобного рода делами. Ведь известно, что религиозный человек не совершает самоубийство, ибо это запрещено Церковью. С точки зрения Уголовного кодекса самоубийство не является преступлением, а с точки зрения Церкви это грех, который уже невозможно искупить покаянием. И верующий человек знает, что самоубийство – не выход из положения, и что в любой трудной ситуации надо искать всевозможные выходы, но только не кончать жизнь самоубийством.

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир» ***vera.vesti.ru.***

Вопрос: Может ли ребенок быть крещен без видимого желания и должного понимания сути

происходящего? Не является ли это насильственным привлечением к Церкви?

Митрополит Иларион: Крещение детей – очень древняя практика, восходящая к самым первым века и, наверное, годам существования христианской Церкви. Крещение ребенка не является его насильственным привлечением к Церкви. Точно так же как, если мать начнет кормить младенца грудью, это не будет насильственным привлечением ребенка к материнской груди.

Когда родители выбирают для ребенка в какую школу ему пойти – в языковую, музыкальную, математическую или обычную, - здесь, как правило, выбор всегда остается за родителями. Ребенок не участвует в этом выборе. Конечно, его мнение могут спросить, но все равно инициатива здесь принадлежит родителям. И очень часто именно родители определяют будущий путь своего ребенка: в семье музыкантов дети идут по музыкальной линии, в семье математиков дети становятся математиками, в семье бизнесменов – бизнесменами. Бывают, конечно, исключения, но, опять же, родители, как правило, задают некий общий вектор движения для своего ребенка. И в этом нет никакого насилия. Наоборот, родители должны передать ребенку все лучшее, чем обладают. Они должны научить его тому, что они сами умеют делать.

Конечно, ребенок когда вырастет, выберет и свою профессию, и свой путь, и свою религиозную принадлежность. Ведь очень часто бывает и так, что родители, например, обучают ребенка музыке, а он уходит в бизнес. Или родители дают ему языковое образование, а он выбирает какой-то иной профессиональный путь. Так же и с вероисповеданием. Случается, что люди, воспитанные в одной вере, в зрелом возрасте выбирают другую веру. И никто не может им в этом воспрепятствовать. Но, безусловно, на родителях лежит ответственность не только за материальное благосостояние ребенка, но и за духовное благосостояние, которое в первую очередь зависит от того, во что ребенок будет верить и на какую систему духовно-нравственных координат будет ориентироваться. Поэтому в крещении ребенка не только нет над ним насилия, но, наоборот, крещение – это то, что родители, если они верующие и крещены сами, должны передать своему ребенку. А уже когда он вырастет, конечно, пусть выбирает сам.

Вопрос: Какие существуют правила при хиротонии?

Митрополит Иларион: Слово «хиротония» греческого происхождения и означает рукоположение, возложение рук. Человек может получить священный сан Церкви только через возложение рук епископа. Для того, чтобы стать диаконом или священником, он приходит к епископу, и епископ возлагает на него руки. Для того, чтобы стать епископом, он должен получить рукоположение от нескольких епископов.

Конечно, рукоположению в священный сан предшествует длительный процесс подготовки. Это и

обучение в духовной школе – семинарии, академии, – и подготовка литургического характера. Помимо образования должны быть определенные качества, как говорится на церковном языке, не должно быть канонических препятствий к рукоположению. Что является каноническими препятствиями? Например, если человек состоит во втором браке, он не может стать ни диаконом, ни священником. Если его жена состоит во втором браке, он тоже не может быть ни диаконом, ни священником.

Такие правила были установлены в Церкви с древних времен. Эти правила очень строгие, но они установлены для того, чтобы священник всегда был образцом для верующих. Как апостол Павел говорит Тимофею, «будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4. 12). В наши дни эти слова апостола Павла епископ обращает при рукоположении к каждому священнику.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/48644/